

ОТЗЫВ

**официального оппонента о диссертации
на соискание ученой степени кандидата филологических наук
Антошиной Дианы Владимировны
на тему: «Понятие импликации и его аналоги в лексической семантике
(в применении к описанию характерологических предикатов,
обозначающих отношение человека к собственности)»
по специальности 10.02.19 – «Теория языка»**

В рецензируемой работе исследуется логико-семантическое отношение следования (импликации) и родственных с ним отношений в современной семантике путем изучения содержания этого понятия в работах ведущих отечественных и зарубежных лингвистов и его применения к языковому материалу. Сам диссертант объясняет актуальность своей работы «необходимостью систематизации многозначных научных терминов, в частности группы терминов, обозначающих понятие импликации и близкие ему в лексической семантике» (стр. 6).

Считаю нужным к этому добавить следующее. Масштабная аналитическая и критическая работа по сравнению и пересмотру активно используемых научных понятий науки и особенно наук гуманитарного цикла, является совершенно необходимой частью исследований, позволяющей экономить время и творческую энергию на дискуссиях о том, каково значение того или иного термина, в чем причина недоразумений и расхождений (вплоть до прямых противоречий) по тому или иному, казалось бы, одному вопросу и т.п. Между тем в языкознании подобная работа ограничивается либо историко-библиографической деятельностью (исходящей из периодизации развития той или иной области знаний), либо частными терминологическими штудиями (направленными на установление происхождения тех или иных терминов, разного вида их многозначности, характеристики их языковой формы и т.п.). При этом собственно научно-понятийное содержание терминов и их соотношение между собой обычно не исследуется, что не позволяет выстроить и оценить понятийную систему науки.

Труды по сравнительно-понятийному анализу актуальных терминологических единиц языкознания, насколько мне известно, уникальны. Привлечение в качестве материала лингвистической терминологии, выражающей идею следования одного утверждения из другого или одного смысла слова или его компонента из другого (*импликация, следование, вывод, вынуждение, импликатура* и др.), делает работу вдвойне актуальной.

Материал исследования имеет двоякую природу. Во-первых, он охватывает фрагменты текста из работ выдающихся лингвистов в области лексической семантики и прагматики, в которых применяется и поясняется термин *импликация* или его аналоги (включая соответствующие фрагменты текста из словарей, энциклопедий, учебников и т.п.). Во-вторых, обращаясь к собственно языковому материалу, автор исследует семантику лексических прилагательных, характеризующих качества человека по его отношению к собственности — *алчный, бережливый, жадный, корыстный, корыстолюбивый, меркантильный, скупой, экономный* и др. Здесь материалом служат данные Национального корпуса русского языка, корпуса Leeds и ряда открытых источников сети Интернет.

Хотел бы обратить внимание на количественную сторону материала. Если говорить о количестве авторов, исследования и терминология которых привлекается к рассмотрению, то их многие десятки, а количество точек зрения на феномен импликации (как бы его ни уточнять и ни называть), которые ими сформулированы, как следует из одного из приложений, превосходит сотню; если же оценивать объем изученного собственно языкового материала в виде количества проанализированных примеров словоупотреблений, то оно составляет около 5000 (из которых более 1000 являются, как пишет автор, релевантными, т.е. их значения диссертанту необходимо было связать с тем или иным формализованным семантическим представлением и иногда не одним). Для семантических исследований кандидатского уровня подобный объем является, на мой взгляд, исключительным, значительно превосходит привычные представления и требования и надежно

обеспечивает решение поставленной задачи количеством и разнообразием языковых иллюстраций. В число целей, которые ставит перед собой автор, входят 1) выявление всего круга значений, в которых термин «импликация» и его аналоги используются в лексической семантике; 2) упорядочение изученных терминов и их значений; 3) демонстрация на конкретном языковом материале возможности использования импликации как метаязыкового средства для описания значения определенных групп лексики.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, обширного списка литературы и пяти приложений. Содержание работы, методы исследования и структура ясно и достаточно полно отражены в автореферате работы и в тексте самой диссертации. Поэтому, не пересказывая работу, перехожу к тем ее положениям и выводам, которые представляются наиболее важными.

В первой главе работы «Понятие импликация в семантике и смежных дисциплинах» автор исследует историю понятия импликации как связки двух высказываний, одно из которых является посылкой, а другое – заключением. Исследование прослеживает развитие этого понятия первоначально в логике начиная с античности и заканчивая работами логиков XX века (в частности, А. Уайтхеда и Б. Рассела), а затем и в языкознании, точнее, в тех его разделах, которые в наши дни принято относить к семантике и прагматике. Результатом этой части работы является подробная классификация как многообразной терминологии, относящейся к этому явлению, так и связанного друг с другом, но далеко не идентичного понятийного содержания как разных, так и совпадающих по форме терминов. В рамках лингвистической проблематики автор представляет результаты этой трудоемкой инвентаризационной работы в виде таблицы. В таблице имеется девять обобщенных групп понятий, относящихся так или иначе к явлению следования, импликации, вывода, при этом каждая группа представлена разными терминами, за которыми стоят разные, а иногда – одни и те же авторы. В частности, первую группу образует «Логико-семантическое отношение между предложениями, изолированными от контекста (независимыми

предложениями), устанавливаемое исключительно на основе семантических правил языка (свойств языкового кода)». Такое понимание иллюстрируется разнообразными номинациями, для каждой из которых указан автор и год публикации работы, в которой уточняется и используется соответствующая номинация, а также дается соответствующая дефиниция. Например, термин «импликация» используют в своих работах Дж. Лайонз, Л. Картунен, термин «прагматическая импликация» – Дж. Лайонз и Д. Круз, термин «вынуждение» – Е.В. Падучева и И.М. Кобозева; аналогично группа «Прагматическое отношение между смыслом высказывания и пропозицией, которая в определенном контексте может быть выведена из него при помощи общих принципов коммуникации», иллюстрируется четырьмя терминами «импликация», «импликатура», «коммуникативная импликация» и «контекстная импликация» из работ, авторами которых соответственно являются 1) П. Грайс, 2) П. Грайс, Й. Хуанг, Д. Газдар, 3) Д. Гордон и Дж. Лакофф, Дж. Лакофф, Н.Д. Арутюнова и 4) П.Х. Ноуэлл-Смит, Д. Спербер и Д. Уилсон; точно так же обобщенная группа понятий под рубрикой «Мыслительная операция установления зависимостей» иллюстрируется терминами 1) «импликация», 2) «пресуппозитивная импликация/пре-суппозиция» и 3) «проспективная импликация/постсуппозиция, авторы которых соответственно 1) М.В. Никитин, А.А. Попова, 2) М.В. Никитин и 3) М.В. Никитин. Для каждой из имеющихся терминологических номинаций диссертант приводит их дефиниции (определения), содержащиеся в работах цитируемых авторов. С учетом различных дефиниций диссертант выявляет и проводит анализ 40 вариантов понимания явления импликации и его участников, которое реализуется посредством приблизительно 30 терминологических единиц в русском языке, часть которых, естественно, многозначна. В целом автору удалось в компактной и конструктивной форме дать читателю представление о всем разнообразии терминологической и понятийной картины категории импликации в лингвистике во всей ее полноте. На этой основе автор формулирует также свои рекомендации о желательном

разграничении (в отдельных значениях) терминов *импликация*, *импликатура*, *импликат*, *импликатив* и др. Этими рекомендациями завершается первая глава работы.

Аналогичным образом исследование проводится во второй главе работы «Импликация в лексической семантике». Здесь количество источников и, соответственно, объем их содержательной обработки значительно больше. В итоговой таблице этой части работы, таблице, выполняющей для лексической семантики роль аналогичную роли уже рассмотренной таблицы главы первой, также перечислены обобщенные группы понятий, относящихся так или иначе к явлению импликации в рамках лексической семантики. Только таких групп, здесь уже не девять, а семнадцать, и также каждая группа представлена разными терминами, за которыми стоят разные, а иногда – одни и те же авторы. Как и ранее, для каждой из имеющихся терминологических номинаций диссертант приводит их дефиниции (определения), содержащиеся в работах цитируемых авторов, как и ранее, каждая группа представлена разными терминами, за которыми стоят разные, а иногда – одни и те же авторы. В частности, четвертую группу образует «Прагмасемантическое отношение между смыслом высказывания и пропозицией, которая в определенном контексте может быть выведена из него при помощи общих принципов коммуникации». Как и ранее, для каждой авторской интерпретации термина указан автор и год публикации работы, в которой уточняется и используется соответствующая номинация, а также дается соответствующая дефиниция. Например, в рамках упомянутой четвертой группы термин «импликация» используют в своих работах П. Грайс, термин «импликатура» – П. Грайс, Й. Хуанг и Д. Газдар, термин «коммуникативная импликация» – Д. Гордон и Дж. Лакофф, а также Н.Д. Арутюнова, термин «контекстная импликация» – П.Х. Ноуэлл-Смит и Д. Спербер и Д. Уилсон в своей совместной работе. Как и ранее, для каждой из имеющихся терминологических номинаций имеется ее дефиниция (определение), содержащаяся в работах цитируемых авторов. Точно так же

один и тот же термин может обозначать весьма разные понятия, в связи с чем в этом разделе исследования диссертант выявляет и проводит анализ 73 вариантов понимания явления импликации и его участников, которое реализуется посредством приблизительно 50 терминологических единиц в русском языке, значительная часть которых многозначна.

Относительно этого раздела работы также можно утверждать, что автору удастся убедительно представить все разнообразие терминологической и понятийной картины категории импликации в лексической семантике.

Если первые две главы носят в основном метаязыковой характер, то в последней, третьей, главе работы диссертант обращается к собственно языковому материалу, который образует лексика, характеризующая человека с точки зрения его отношения к собственности. Автор отобрал 12 лексических единиц типа *алчный*, *бережливый*, *бескорыстный*, *жадный*, *корыстный* и т.п., причем отбор именно этих слов с точки зрения задач своего исследования представляется вполне обоснованным, причем автор, среди прочего, скрупулезно указывает количество фрагментов текстов, на которых основано построение шаблона поведения, соответствующих значению каждого слова (стр. 141). Далее, учитывая идеи Ю.С. Мартыанова и Г.В. Дорофеева, а также Н.Ю. Лукашевич, автор активно пользуется понятием шаблона поведения с «целью дать такое описание семантики лексики, которое отражало бы способность носителя языка приписывать человеку черту характера, основываясь на поступках, которые тот совершает в типовых ситуациях» (с. 143). Опуская детали, шаблон поведения можно охарактеризовать как структурную схему поведения человека в типовой ситуации, представленную с помощью стандартного набора элементарных значений и схему, имеющую несколько обязательных внешне организующих этот набор элементов: антецедент (посылка, условие), консеквент (вывод, следствие), мотивация (поведения лица, упомянутого в антецеденте) и оценка (продиктованная теми или иными нормами). Сами же

антецедент и консеквент в качестве элементарных значений представляются посредством обобщенных сем типа РЕСУРС, ОТНОШЕНИЕ, НОРМА, ЦЕННОСТЬ, НУЖДАТЬСЯ. В дальнейшем шаблоны поведения записываются как вероятностная импликация: при наличии предпосылок, указанных в антецеденте импликации, человек, охарактеризованный с помощью этого предиката, с высокой вероятностью (но не с необходимостью) совершит поступок, описанный в консеквенте соответствующего шаблона. Именно импликация в представлении значения характерологического слова связывает данную главу со всем изложенным в двух предыдущих главах. Заметим, что шаблон поведения не появляется из ниоткуда, он представляет собой результат анализа первоначально абсолютно никак не препарированного текста, содержащего одно из анализируемых слов. Получению шаблонов посвящен специальный параграф третьей главы, самый большой по объему параграф из всех параграфов работы. С моей точки зрения, сам метод перехода от фрагмента текста, начиная с его обобщенного пересказа и заканчивая формулировкой шаблона поведения, имеет самостоятельный теоретический интерес для лексической семантики и, как можно надеяться, допускает распространение не только на выбранную характерологическую лексику. Связанное с этим методом и выносимое на защиту одно из основных положений работы о том, что «данный способ представления значения предикатных единиц отличается эксплицитностью и приближенностью к когнитивным процессам» (стр. 10), представляется полностью справедливым.

Так, например, ряду ситуаций, в которых описывается поведение человека во взаимодействии с близкими или посторонними людьми, которые нуждаются в его ресурсах, и которые покрываются одним из значений слов *скупой*, *прижимистый*, *жадный*, предлагается следующий шаблон поведения:

Антецедент: (X является собственником ресурса R) & (Y нуждается в ресурсе R, который есть у X или Y хочет ресурс R, который есть у X).

Консеквент: X не тратит свой ресурс на Y или тратит в минимальном количестве, чего недостаточно.

Мотивация: X не желает тратить собственный ресурс R на другого человека.

Оценка: поведение оценивается X отрицательно, так как в данном случае нарушаются морально-этические нормы – в обществе принято помогать другим людям, когда они в этом нуждаются, делиться с ними собственными ресурсами.

Шаблон первоначально в полуформализованной форме поведения, а затем – и в формализованной форме приписывается значению каждому из исследуемых слов, что и позволяет в эксплицитной форме представить его значение, обеспечивающей его сравнимость со значениями всех слов группы. Более того, сами термины синонимии, квазисинонимии и антонимии получают новое толкование и обоснование в терминах шаблона поведения.

Таким образом, к основным результатам этого раздела диссертации относятся ясное описание и применение метода шаблонов поведения к изучаемому материалу, получение в форме импликации семантического представления значения характерологических предикатов в виде шаблонов поведения, позволяющее явно и стандартным образом выявить парадигматические отношения внутри выбранной группы лексических единиц.

В целом Глава 3 диссертационного исследования демонстрирует, что **импликация** может успешно применяться как метаязыковое средство описания значения определенных групп лексики, в частности, характерологических предикатов, обозначающих человека по его отношению к собственности.

Возвращаясь к общей оценке работы, отметим ее четкую структуру, строгий и последовательный характер изложения, глубокое знание литературы по данному вопросу, обнаруживающее не просто знакомство с ней, но ее глубокую проработанность (список отечественной и зарубежной литературы насчитывает 197 наименований, из них 121 русскоязычная и 76

иноязычных). Все имеющиеся в работе приложения убедительно иллюстрируют достигнутые результаты.

Высоко оценивая полноту и аргументированность полученных в работе результатов, сделаем несколько критических замечаний.

а) Вряд ли имелась необходимость в специальном анализе двух работ Т.П. Ломтева, опубликованных в 1976 г., так как любая разновидность компонентного анализа имеет те недостатки, которые в дальнейшем отмечали многочисленные его критики и, в частности, А. Ченки (с. 196 – 198). Работа Т.П. Ломтева – одна из огромного числа работ, реализующих методы компонентного анализа в 60-х и 70-х годах XX века. В этом смысле факт совпадения конкретного материала исследования Т.П. Ломтевым и диссертантом, к которому применяются различные методы исследования семантики одних и тех же слов, не столь существен: в работе, скорее всего, было бы достаточно просто отметить ограничения компонентного метода лексической семантики как такового, тем более что другая литература по исследованию характерологической лексики или хотя бы личностных качеств человека практически не упоминается.

б) Раздел работы 3.3. Когнитивно-семантический анализ предикатов группы ЖАДНОСТЬ-ЩЕДРОСТЬ содержит описание процедуры формирования шаблонов поведения и различных ее этапов – краткий пересказ описания ситуаций, формирование подгрупп кратких пересказов с дальнейшим объединением их в группы, формирование макрогрупп, кроссвалидация результатов и др. При этом некоторые из упомянутых этапов иллюстрируются конкретной процедурой их реализации на конкретном лексическом материале. Однако мне не удалось обнаружить в работе примера последовательного поэтапного прохождения всего процесса формирования шаблона начиная с первого его этапа (краткого пересказа описания ситуации) и кончая последним (формулирование шаблонов поведения на квазиформальном и формальном языке). Хотя идея каждого этапа формирования шаблона поведения понятна, как понятна и идея всей

процедуры в целом, полагаю, что иллюстрации в тексте работы всей процедуры построения шаблона от начала до конца, хотя бы на материале одного-двух примеров, была бы более чем уместной.

в) Единственным не вполне убедительным нам представляется последний, небольшой раздел третьей главы диссертации, раздел 3.5. Практическое применение представления значения в виде импликации (на примере характерологических предикатов) (с. 285 – 287). В нем автор говорит об извлечении имплицитных связей, содержащихся в тексте на примере следующего фрагмента текста:

*У большинства миллионеров жены еще более **скупы**, чем они сами. Они, как это ни странно, методично планируют семейный бюджет и не тратятся на всякие глупости вроде украшений или благотворительности.*

Имеется в виду, что при наличии шаблона поведения для характерологического прилагательного **скупой** может быть формально установлена связь между скупостью (**скупы**), упомянутой в первом предложении, и отсутствием затрат (*не тратятся*), упомянутом во втором. При этом, по-видимому, подразумевается возможность компьютерного установления такой связи, поскольку в этом месте исследования упоминается выбор «подходящего программного обеспечения» (с. 206).

Автор справедливо отмечает, что для извлечения имплицитных отношений между предложениями в тексте на основе полученных шаблонов поведения требуется составление списков языковых выражений, соответствующих предикатам», в частности предикатам SPEND (X,Y) (X тратит Y) и POSSESS (X обладает ресурсом Y). Однако далее автор пишет «Мы предлагаем следующие списки языковых выражений, соответствующих указанным предикатам: POSSESS (X,Y) = «много зарабатывать», «хорошо зарабатывать», «имеет деньги», «получить деньги», «получить зарплату», «получить наследство», «иметь средства», «скопить средства», «богач», «богатый», «состоятельный», «миллионер», «миллиардер», «жена миллионера» и т.д. (стр. 207). Сам по себе такой список языковых выражений, без

предварительного объяснения вызывает удивление. Возможно, что имеется в виду существование вероятностной аксиомы действительности типа «Если X жена миллионера, то X обладает большим ресурсом (имеет много денег)», однако об этом не говорится и привлечение тех или иных аксиом не обсуждается. Возможны какие-то другие причины формирования именно данного списка, а без него вывод вряд ли возможен: ведь в предложении У *большинства миллионеров жены еще более **скупы**, чем они сами* актантом пропозиции является слово *жены* (ср. *жены миллионеров*), а не *миллионеры*. Если бы актантом были *миллионеры* (как обладатели ресурса ДЕНЬГИ), то соответствующая импликация была бы прозрачна. Но актантом является слово *жены*, а обладание тем же ресурсом женами уже далеко не столь очевидно (ср. *дети миллионеров, друзья миллионеров, враги миллионеров* и т.п.). Поэтому реализация соответствующей импликации остается не вполне ясной даже в «естественно-интеллектуальной» ее разновидности.

В то же время высказанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.02.19 – «Теория языка» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным п. 2.1 – 2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Антошина Диана Владимировна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – «Теория языка».

Официальный оппонент: Шелов Сергей Дмитриевич

Доктор филологических наук,

Главный научный сотрудник
Отдела культуры русской речи
ФГБУН Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН

Шелов Сергей Дмитриевич

«5» ноября 2019 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.02.21 – «Прикладная и математическая лингвистика»

Адрес места работы:

119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2,

ФГБУН Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Отдел культуры русской речи Тел.: +7 (495) 695 2660, e-mail:
ruslang@ruslang.ru

Подпись сотрудника ФГБУН Институт русского языка

им. В.В. Виноградова РАН С. Д. Шелова удостоверяю:

